

Елена Гвозденко

ЭСКИЗ ДУШИ

Сборник рассказов

Елена Гвозденко

Эскиз души. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Гвозденко Е.

Эскиз души. Сборник рассказов / Е. Гвозденко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902939-3

Эта книга вряд ли вас развлечет. В ней нет готовых советов. Это всего лишь попытка призвать вас к диалогу, к разговору с собственной душой.

ISBN 978-5-44-902939-3

© Гвозденко Е.
© Издательские решения

Содержание

Деточки	6
Незабудковый рай	8
Дыши	10
Страсть	13
Исповедь Веригина	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эскиз души Сборник рассказов

Елена Гвозденко

© Елена Гвозденко, 2018

ISBN 978-5-4490-2939-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деточки

У Александры Петровны, местной юродивой, выкрали смертные. Старушку со второго этажа тихой пятиэтажки знала вся округа, и все за глаза иначе как юродивой не звали. Юродивая, юродивая и есть. Сгорбленная фигурка, посеревшее, стертое от забот лицо, выцветшие до бездонности глаза из-под низко повязанного платка.

«Деточка, котейку не возьмешь?» – обращалась она ко всем прохожим, задержавшим взгляд на этой пришельце из прошлого. Она ко всем обращалась «деточка», робко и цепко разглядывая.

«Деточка, возьми конфетку», – выуживала она спрятанное в складках одежды слипшееся угощение. Обычно «деточки» брезгливо морщились и спешили спрятаться от дарительницы. Но «деточки» постарше любили Александру Петровну. Она никогда не оставалась в одиночестве на дворовой скамейке. Стоило ей присесть, пристроив рядом лукошко с очередной, подброшенной к дверям ее квартиры, котейкой, как тут же оказывался кто-то из соседей.

– Нынче Михалыч юродивой исповедовался.

– Люська-то два часа со старухой просидела, знать беда у девки, – шептались в кухнях.

А уж с самым сокровенным шли в маленькую пыльную квартирку, пропахшую лекарством и кошками.

Она умела слушать. Не молчать, нет, именно слушать, слегка покачивая головой. Спутанная кисея платка еле заметно раскачивалась в такт. В некогда бесцветных глазах зарождались новые краски, и говоривший то тонул в небесной бесконечности, то нырял в черную бездну.

– Деточка, – касалась она собеседника сухим скрюченным пальцем осторожно, будто боялась спугнуть, – деточка, нелегко тебе, время такое, трудное, обманчивое. Уж как в нем себя отыскать, не ведаю, да только знай, есть Любовь, есть. И беда твоя дана, чтобы Любовь эту разглядеть. Увидишь, тоска твоя исчезнет.

Юродивая, по местным меркам, появилась в доме недавно, лет пять назад в маленькую квартирку ее перевезли то ли дети, то ли внуки. Перевезли, а сами исчезли, растворились в безграничности суеты. А Александра Петровна осталась бродить по шумящим улицам, пристраивать бесконечных котят, оставленных у ее порога, кормить наглых городских голубей, косящих кровавыми глазами и слушать, слушать, слушать. Впитывать в себя чужую боль, втягивать, оставляя взамен материнское «деточка».

Подруг у нее не случилось. Нет, сначала местные дамы пытались завязать дружбу, ходили с домашней выпечкой в гости, по привычке сплетничали, ожидая, что новенькая проявит интерес к тайной жизни дома, но юродивая всегда молчала, приговаривая «деточки-деточки». И не было в том осуждения, лишь какая-то печаль огорчения, настолько щемящая, что гости спешили ретироваться. А потом натужно смеялись над «ненормальной» во время своих «кухонных сейшен».

И такую-то старушку ограбили. И кто? Банда оголтелых подростков, которую побаивались даже местные качки, молящиеся «железу». Тринадцатилетняя Эльвира из тридцать пятой квартиры, предводительница и вдохновительница детской группы, держащей в растерянности и страхе округу. Сколько разбитых машин, покалеченных котят, подпаленных дверей, да и просто, случайно прилетевших камней в окна, а то и головы, сколько мятых, мокрых от пота купюр отнято из детских ручек.

– Не, они реально отмороженные, что с них возьмешь, – шумел двор.
– Да прижать надо Светку, мамашу непутевой Эльки, пусть убираются из дома.
– И ведь что, поганцы, удумали, овечками прикинулись, позвонили в дверь, попросили котят показать, мол, родители разрешили взять. Пока старуха умилялась деточкам, Элька и нашла денежки.

– А много было-то?

– Тысяч пятьдесят.

– У нее же пенсия маленькая, больше не собрать.

– Эх...

Это «эх» растекалось по двору, путалось пыльными клубами под колесами припаркованных машин, змеилось по разбитым тротуарам: «эх».

– Да сколько мы эту шпану малолетнюю терпеть-то будем, – Колька, местный крепыш, рванулся к подъезду, увлекая за собой толпу.

В хлипкую дверь с облупившейся краской колотили с остервенением. Светку оторвали от сковороды, на которой в пузырях темного масла подрагивали багровые котлеты. Выволокли во двор прямо в засаленном халате и рваных тапках, картинно плачущую и отвешивающую подзатыльники упирающейся Эльке. Элька резала собравшихся волчьим взглядом, но молчала. Потом достала из кармана смартфон и отгородилась экраном.

– Ах ты, дрянь, – не выдержал Колька, выхватив у подростка телефон и запустив его в кусты.

– Ответишь... мне по малолетке не будет ничего, – выплюнула Элька и полезла в кусты за гаджетом.

Светка перестала хлюпать, подбоченилась, маленькие, заплывшие глазки простреливали соседей.

– Ишь, удумали, я вам покажу самосуд над ребенком.

– Над ребенком? Ребенком? Да эта деточка...

Обвинения сыпались со всех сторон. Но мамаша все оправдывалась, обвиняя других.

– Тихо, – Артем, взял за плечи кричащую Светку, тихо. Дочь твоя отправится в соответствующее заведение, это я тебе как юрист обещаю. Поняла?

Светка замолчала, круглые плечи обвисли, всхлипы возобновились.

– Уроды, экран разбили, – завопила Элька, отряхиваясь от налипшей травы.

– Уводи чадо, пока народ держится, – шепнул Артем Светке, – уводи и думай о переезде, жить здесь мы вам не позволим, учти.

Светка только и ждала, подхватила дочку и быстрее в подъезд, под хлипкую защиту старой двери. Толпа шумела, припоминая старые обиды, и не заметила, как за спинами раздалось тихое «деточки».

– Деточки, деточки, милые деточки, – все настойчивее, все тверже, касаясь каждого сухим пальцем. – Деточки, – последним взглядом уставших глаз.

– Деточки, – последним выдохом осевшего тела.

Хоронили Александру Петровну всем двором.

Незабудковый рай

Темнеющий мир в окоёме старых рам. Серые крепости с бойницами окон. Вспышки вечернего света сигнальными огнями. Кусочек багряного неба, огненный полог заката.

***

Сегодня Эльмира Геннадьевна обещала небольшую премию за цикл лекций по мировой литературе. Помнишь, мама, читали с Верочкой в марте, я тебе рассказывала. Приводили школьников, мы готовили стенды, подборку книг. Многие задавали вопросы о Джоан Роулинг. А перед этим я читала историю Гарри Поттера. Если деньги выплатят, купим обои в твою комнату, те, которые тебе понравились, с голубыми цветочками. Незабудки?

Я забыла рассказать, к Зое Павловне опять привезут внуков на выходные, в понедельник придётся её подменить. Зоя Павловна сегодня чуть не попалась заведующей, пошла в обеденный перерыв по магазинам и задержалась, а Клавдия Сергеевна некстати вернулась с совещания. Прошла со взглядом отрешённым, спросила о Зое Павловне, но ответ, мне кажется, не слышала, нырнула в свой кабинет и сидела до конца рабочего дня. У нас поговаривают, что её «хотят уйти», она и без того засиделась в кресле, пенсию получает, а работает, работает. Мама, «хотят уйти» – современный фразеологический оборот, а не вульгаризм, как ты говоришь. Хорошо, я не буду его употреблять. Наши уже обсуждают, кого пришлют на её место. Хорошо бы из своих.

Я погрела суп, пора ужинать и спать. Да, я забыла, Алла Васильевна очень хвалила твой салат, я вчера отнесла ей баночку с консервированным перцем. Спрашивает рецепт. Я не забыла выпить таблетки, мама. Спокойной ночи.

***

Добрый вечер, мама. Включить телевизор, сейчас начнётся твоя любимая передача? А свет приглушу. Я на кухню, надо что-нибудь приготовить на завтра. Может быть плов? Я купила рис и морковь, не забыла сегодня.

О чём передача? Опять ДНК-шоу? Сколько в этот раз претендентов на высокое звание отца? Я положила тебе плов и заварила травяной чай, как ты любишь. Сегодня у нас было общее собрание. Оказывается, Клавдия Сергеевна была расстроена вовсе не скорой отставкой, а новыми требованиями к библиотекам. Нам предстоит оцифровать весь свой фонд. Это большая работа, ресурсов не выделяют. Придётся оставаться после закрытия и в выходные. Как я буду тебя оставлять одну так надолго?

***

Ничего, мама, мы справимся, правда? Сегодня дали премию, на обои должно хватить. Завтра зайду в магазин, куплю незабудковый рай. Сегодня о тебе спрашивала Алевтина Сергеевна с третьего этажа. Ответила, что ты заболела. Порывалась навестить. Эх и настойчивая, еле отговорила инфекцией, но все же надо быть осторожнее. Герань полила, появился новый цветок. Как ты думаешь, может сварить борщ, продукты у нас есть.

***

Наконец-то выходной, я буду клеить обои. Придётся отодвинуть твою кровать. Не побеспокоит? Я аккуратно, буду клеить, а ты будешь рядышком. Смотри, как преобразается ком-

ната, становится светлее. Мне в магазине понравились другие, но ты же не любишь абстрактных рисунков. Ты во всем предпочитаешь определённую. Именно поэтому ты когда-то давно выгнала моего отца, не так ли? Прости, мама, но мне рассказала Алевтина Сергеевна про адюльтер. Ты не простила. Не знаю, как я поступила бы на твоём месте. Да и откуда мне знать? В четверг опять приходил Станислав Дмитриевич, помнишь, я тебе рассказывала? Он, конечно, не молод, пенсионер уже, но общаться с ним приятно. Он подарил мне букет сирени. Почему оставила на работе? Я не хотела ничего тебе объяснять. Нет, он, разумеется, не способен вызвать страсти, но рядом с ним мне как-то спокойно что ли, хочется улыбаться, не пугают зеркала. Что я знаю о страсти? Нет, мама, не только то, что это «солнечный удар» и мука в глазах купца Рогожина. Не только. Это ещё и занесённая дача Зои Павловны, с чёрными ветками-розгами, бьющими по стеклу, с гудящим в печной трубе ветром. Это девственная чистота нетоптаного снега, жадность взгляда в поисках следов. Да, ты права, в ту зиму, вместо экскурсии я уезжала на дачу к Зое Павловне. Я безумно благодарна ей, мама. Она дала мне возможность спрятаться, перескулить одинокой волчицей, прийти в себя, научиться дышать. Я не могла видеть лиц, для меня исчезли все лица, кроме одного. Да-да, того столичного командировочного, мило шутившего со всеми нашими дамами. Мама, почему так? Почему я не согласилась на вечер в гостинице? Ведь ещё не было поздно, я могла бы родить. Родить. Выпустить в мир незабудкового рая новую жизнь?

Мама, я должна быть осторожной, мне кажется, что Вера Степановна со второго этажа как-то странно со мной здоровалась. Я купила новый прибор. Знаю, ты не любишь этой «химии», но выбора у нас нет. Да, я завтра начну красить рамы и двери. Запах краски, ты понимаешь...

***

Какой грохот, будто рушится мир. А всё твоя инициатива, установить металлическую дверь. Эй, мир, крушись, ломайся, осыпайся трухой. Незабудки, синее от этих незабудок, разливается голубой бесконечностью. А мы их так, так. Не нравится, мама? Смотри, как падают твои увядшие цветы.

***

Когда соседи, встревоженные неприятным запахом, вызвали полицейского и вскрыли дверь, они обнаружили безумную женщину, укрывающую обрывками новых обоев тело давно умершей матери.

Дыши

«Раз я знаю, что ты придешь, я могу тебя ждать сколько угодно» А. Камю

Первые мелкие снежинки бились о мутноватое стекло просыпанной крупой, забеливали подмерзшие ложбинки.

«Надо розу прикрыть», – пожилой мужчина с трудом отошел от окна, снял с вешалки сиротливо пристроенную телогрейку, сунул ноги в растоптанные ботинки и вышел во двор.

Мешок с тряпьем отыскался не сразу, в сарае перегорела лампочка. Старик вытащил его на свет, вытряхнул прямо на подмерзшую землю. Из вороха старой одежды с призывным звяканьем выкатилась бутылка.

«Это еще в марте, до болезни, потом забыл, – говорил он собаке, вылезшей при виде хозяина из крепко сбитой будки, поддакивающим деревьям, размахивающим голыми ветками, вороне, таращащей мутный глаз на блестящее стекло с высоты забора, – забыл, Тонечка».

Ветер подхватил старый выцветший платок, закружил, играя, и бросил его на железный крюк, торчащий из столба. Ветхая ткань затрепетала, вырываясь.

«Тонечка, Тонечка, – приговаривал мужчина, снимая платок и пряча его на груди, – я со всем управился, картошки накопал на себя и на дочку, помидоры и огурцы закутил, вот еще розу твою золотую от мороза спрячу».

Натруженные руки ловко укутывали небольшой кустик, посаженный совсем недавно прямо под окнами спальни.

Телефон разрывал тишину дома.

– Папа, папа, – кричала трубка голосом дочки, у тебя все нормально? Я дозвониться не могу.

– Конечно, во дворе был, не переживай Светик, все хорошо, розу вот укрыл.

– Папа, я приеду в выходной, надо убраться, постирать.

– Не надо, дочка, я и сам справляюсь. У тебя своих забот хватает – муж, дети.

– Папа, точно все нормально?

– Да что со мной будет-то, – неожиданно рассердился мужчина и повесил трубку.

Но телефон зазвенел опять.

– Ты как, Петрович? Что молчишь, не признал? – Любка, подружка Тонечки.

– Признал. Как жизнь, как здоровье?

– Нам болеть некогда, капусту вот солю. В гости позвать не хочешь, я пирогов напеку?

«Как бы не подавиться пирогами-то твоими», – подумал мужчина, а вслух сказал:

– Дочку жду, Светка с мужем обещали.

– Ну ладно, в следующий раз, – из голоса Любки исчезла веселость.

Сразу после похорон в дом зачастили помощницы. Котлетки, пироги, блины, домашняя колбаска под обязательные рюмки. Не помощницы, а участницы кулинарного конкурса. Александр Петрович пил, вливал в себя все эти наливки-самогонки, закусывал, не замечая вкуса,

с жадностью к забытью, одержимостью мечты, что вот сейчас, после этой самой обжигающей дозы, он обязательно очнется и увидит напротив глаза Тонечки. Но чуда не было, он не пьянел. Менялись лица, голоса, а ожидание в разных глазах не менялось.

«Сорок лет, трое детей, целая жизнь, как можно думать, что я еще живу, ведь мы срослись в одно. Я там же где и Тонечка, а здесь просто оболочка, за домом и хозяйством приглядывает. Как они не видят?»

Но женщины все шли и шли. Наряжались в лучшие платья, бегали по парикмахерским, завивая и подкрашивая редкие волосы, натужно смеялись, рассказывали бесконечные истории из своей жизни, пропуская рюмку за рюмкой. Как он хотел забыться, хотел не видеть этого сватовства, этих жадных до чужих углов взглядов.

Безумное нашествие остановила только дочь. Светлане пришлось переехать к отцу и лично разворачивать невест от ворот.

Александр Петрович включил телевизор и прилег на самый краешек дивана. Дома все оставалось на своих местах. После сороковин дочка и старшая сноха хотели убрать вещи Тонечки, но он не позволил.

«Все останется, как было, – произнес он голосом, не терпящим возражений, – тронете, на порог не пушу».

Все и осталось: коробка с клубками и недовязанным носком, прикрытая от вредной кошки покрывалом, недошитое платье без рукава, свисающее со старенькой швейной машинки, корзинка с конфетами и таблетками на полочке у дивана, в ванной любимая мочалка жены, зубная щетка, баночка дешевого крема. Все эти скатерти-покрывала, все эти занавески любимого золотистого цвета. Мужчина не замечал, что золото давно потемнело, пожухло, покрывшись пылью.

Во дворе залаяла собака, ей вторил дверной звонок. На пороге стояла незнакомая женщина.

– Александр Петрович? Валентина, подруга детства Тонечки.

– Здравствуйте, – хозяин посторонился.

– Я только узнала. Мы с сыном переехали неделю назад, вернулись на родину. Простите, что не попала на похороны.

– Раздевайтесь, проходите, – мужчина поставил чайник, порылся в шкафах, но кроме варенья ничего не нашел.

– Мы жили в другой стране...

– Я знаю, Тоня говорила. Она очень радовалась вашей встрече пару лет назад.

– Да, я приезжала к сестре, только вот с вами мы не познакомились, вы, кажется, гостили у старшего сына. Теперь мы совсем перебрались, а Тоня... Всю дорогу мечтала, что теперь будем вместе, расскажите, как она ушла.

– Быстро. Полежала всего неделю, увезли в больницу, а там сказали, что поздно. Я забрал ее домой, а наутро ее не стало.

– Как выдохнула...

– Да, но не только свою жизнь. Извините, – хозяин тяжело опустился на табурет.

– Вы позволите, я похозяйничаю, – и, не дожидаясь ответа, гостья прошла на кухню.

По дому растекался забытый запах выпечки. Огромное блюдо с румяными оладьями, ароматный чай, как прежде...

Слушая рассказы Валентины о детстве супруги, Александр Петрович неожиданно заплакал, впервые в своей жизни.

«Санюшка», – услышал он голос жены.

– Санюшка, – Валентина смотрела на него Тонечкиными глазами, – Санюшка, надо вдохнуть. Дыши!

Страсть

– Послушай, пойдем со мной. Ну что тебе стоит? Просто руками поводишь, мол, порчу снимаешь. Скажешь, какие молитвы почитать.

– Да ты что, с ума сошла? С чего ты решила, что я умею эту самую порчу снимать? – предложение моей соседки бабы Мани было столь нелепым, что я даже не сразу нашлась с ответом, и довольно долго стояла с открытым ртом. Пользуясь моим замешательством, шустрая баба Маня уже тянула меня за рукав к калитке, продолжая вводить в курс дела громким шепотом:

– Понимаешь, не в себе баба. Совсем обезумела. Да ты и сама все поймешь. Боюсь, как бы беды не наделала. А так ты наговори что-нибудь, ну там воды, что ли давай ей нашепчем, молитву какую прочтем. Глядишь, она к бабке и не пойдет.

– Ой, подведешь ты меня, – вяло сопротивлялась я напору. Но, прихватив молитвослов, все же отправилась к соседке. За несколько лет в поселке за мной прочно закрепилась слава человека, способного решить любую проблему. Ко мне приходили измерить давление, разжиться таблетками, я составляла жалобы чиновникам, ходила вместе со стариками-соседями по бюрократическим кабинетам, что-то выбивала, что-то выпрашивала. Храма в поселке не было, и поэтому в каждую свою поездку в город я обязательно заходила в церковь, ставила свечи за себя и по многочисленным просьбам, покупала иконы, книги.

Катерина Ивановна, распивающая чай за столом бабы Мани произвела на меня удручающее впечатление. Довольно грузная дама лет пятидесяти с провинциальным барашком «химии» на обесцвеченных волосах, вся какая-то обвисшая, потухшая. Но стоило ей заговорить, и первое впечатление сразу же развеялось. Фигура женщины ожила, напряглась, казалось, она была готова сорваться с места в любую секунду. Черные глаза, увеличенные большими линзами, втягивали, держали собеседника. Но держали не только глаза. Катерина Ивановна, отставив чашку, вцепилась в меня сильными бугристыми пальцами, и, придвинув лицо, говорила и говорила... Чем больше я ее слушала, тем больше понимала, что весьма неплохо было бы проконсультировать эту даму у врача-специалиста. Мне даже стало страшно. Я всегда с опаской относилась к людям, страдающим психическими расстройствами, наивно полагая, что с остальными можно договориться.

– Ну так вот, – не то шипела, не то шептала Катерина Ивановна, – я Андрейку одна растила. Баба Маня соврать не даст, – тут женщина посмотрела на соседку, которая слишком активно закивала.

«Э, баба Маня, а ты и сама ее боишься», – пронеслось в моей голове.

– Его отец умер, когда Андрюшке четыре годика всего было, – продолжала гостя, – Тяжело. Осталась одна, помочь некому. Работала не покладая рук. Я ведь и швея, и закройщица знатная. Наши модницы ко мне в очередь выстраивались. Так я днем на швейке, а вечерами заказы беру. Все для сыночка. Он ведь у меня ни в чем нужды не знал. И конфеты, и фрукты, и книжки-игрушки всякие. А одевала, знаешь, как я его одевала? Как игрушку! А эта профурсетка, на все готовое. Вырастила, выучила, воспитала. Ведь он у меня все умеет делать: и стирает, и уберется, и сготовит. А меня ведь сватали много раз. Но я не соблазнилась, сын дороже.

– А может надо было согласиться, – возразила я, поздно заметив, что баба Маня делает мне какие-то сигналы за спиной гостыи.

– Да ты что? – голос Катерины Ивановны перешел в рык, – я сына на штаны должна была менять? Позволить какому-то вонючему мужику упрекать меня в куске для ребенка? Это только профурсетка его теперешняя все сменяет. И мать у нее такая же. Фармацевтом у нас в аптеке работает. Мужа своего таблетками опоит, и ну хвостом крутить. Дочка – вся в нее. И что мой Андрейка в ней нашел-то? Ни рожи, ни кожи... Опоили, не иначе. Это они с мамашей ворожили. Мамаша и муженька своего привораживала. Мне люди добрые все про них рассказали. Ты помоги, а? Мне баба Маня говорила, что ты можешь.

В моей голове пронеслась весьма витиеватая фраза, которую я озвучу бабе Мане наедине. Я зажгла свечку и принялась читать молитвы. Удивительно, но от чтения Катерина Ивановна начала, наконец, расслабляться. Ее фигура расплылась по стулу, глаза закрылись. Окончив чтение и подарив женщине молитвослов, я спешно ретировалась.

Вечером баба Маня робко постучала в мою дверь.

– Ты не сердишься? – озорные глаза из-под низко подвязанного платка с такой надеждой заглядывали в мое лицо, что мне оставалось только улыбнуться, – а я пирожков вот испекла. Давай чайку попьем.

– Почему ее сын не обратится к врачам? Там же явная патология?

– Да кто его знает, почему не обратится. Может, боится осуждения? Она ведь всегда властной была, сына в ежовых рукавицах держала. Сама слышала, замуж не пошла, всю любовь на мальчишку выплеснула.

– А что эта его девушка?

– Да нормальная девчонка. Студентка. И семья нормальная. Да только Катерина и слышать ничего не хочет. Он для нее как игрушка. Бедные ребята...

Через пару месяцев история Катерины Ивановны неожиданно получила продолжение. Оказалось, что она была соседкой моих знакомых, и я совершенно случайно столкнулась с женщиной в их дворе.

– Не помогают твои молитвы. Он уже и дома не ночует, – кричала она, вцепившись в мой рукав.

– Может вам в церковь съездить, с батюшкой посоветоваться?

– Ага. Пока я буду разъезжать, он ее в мою квартиру приведет. Знаю я, ты с ними заодно, – женщина кричала и размахивала свободной рукой перед моим лицом. Глядя в ее безумные, горящие ненавистью глаза, я пыталась отцепиться. Наконец мне это удалось. Дальнейшее я помню смутно. Я убегала от рассвирепевшей женщины, а она догоняла. К счастью, мои друзья оказались дома и захлопнули дверь перед самым ее носом. Оказывается, Катерину Ивановну побаивались все соседи. Она могла среди ночи стучаться в квартиры в поисках якобы прячущегося там Андрея. Она преследовала мать его невесты, каждодневно приходя в аптеку и устраивая скандал. А совсем недавно у родителей девушки сгорел гараж. Подозревали в поджоге Катерину Ивановну. Помню, что я посоветовала своим друзьям поговорить с Андреем, которого они хорошо знали. Женщина явно нуждалась в медицинской помощи.

А еще через пару месяцев я узнала, что Катерина Ивановна умерла. После истории с поджогом, Андрей попытался серьезно поговорить с матерью. Молодой человек пригрозил заявлением в милицию, если она не прекратит преследование. Тогда Катерина Ивановна, достав где-то таблетки, подсыпала их сыну. К счастью, молодой организм справился с отравлением. Но после больницы Андрей домой не вернулся. Он собрал вещи и переехал к своей девушке. Удивительно, но и эту историю удалось скрыть от милиции. Мать сильно изменилась. Она почти не выходила из дома, продукты ей приносили соседи.

В роковую ночь, по словам моих друзей, страшно выли собаки. Они даже выходили во двор, но ничего странного не заметили. Февральская выюга наметала сугробы, за которыми легко можно было спрятаться. Наутро в одном из них обнаружили застывшую Катерину Ивановну, одетую только в ночную сорочку. В кулаке была зажата фотография Андрея.

Исповедь Веригина

«Уважаемый Антон, прошу прощения за вольность – писать человеку незнакомому, да еще просить его принять мою исповедь. Вы – популярный сетевой литератор, вероятно, и в жизни довольно успешны. Я же... Я – бомж», – так начиналось письмо с пометкой «исповедь».

Антон Говорков, журналист, известный блогер, присвистнул от удивления. Надо же, какой креативный способ отъема денег. Бомж, ага, с айфоном или планшетом, в перерывах между разорением помоек, пишет в лучших традициях эпистолярного жанра. Интересно, на сколько предложений хватит вежливого красноречия?

«Возможно, я бы так и не решился обратиться к вам, если не уверенность, что дни мои сочтены».

Так, уже теплее, сейчас начнется. Что ему надо, денег от меня лично или компанию по сбору на лечение?

«Хочу принести мои извинения за отнятое время, но вы поймете смысл обращения, если наберетесь терпения, и дочитаете это письмо до конца».

Хороший ход, да этот «бомж» знаком со способами удержания внимания.

«Для начала, позвольте представиться – Веригин, просто Веригин. Это раньше у меня были имя и фамилия, которая звучала совсем иначе. Раньше, в прошлой жизни...»

Все, пошла театральщина. И фамилия под стать теме – исповедь, раскаяние, вериги. Может это просто религиозный фанатик, сектант? А вот это уже интересно, может получится замечательная статья.

«Очень трудно обращаться с просьбой. Удивительно человек устроен, столько лет осознанного смирения, а просить всё равно трудно. Каждодневно, да что там каждодневно – ежедневно манипулируем чужой волей, подчиняем собственным интересам, но делаем это весьма завуалированно, прикрывая блестящей одежкой иных мотивов».

Вот это слог! Да ему бы романы писать, Веригину этому. И он хочет, чтобы я поверил, что мне пишет бомж?

«Вы, наверное, сомневаетесь, что я бездомный. Ведь в представлении большинства, бездомные – опустившиеся, лишенные морали и раскаяния люди. Как вы ошибаетесь. В этой среде, разумеется, происходят вещи странные, странные и страшные для человека «цивилизованного». Но это только на первый взгляд. В душах, спрятанных за успешностью, порой, встречаются такие глубины. Ну вот, опять отошёл от просьбы.

Я уже писал вам, что конец мой близок. Я это точно знаю. Не спрашивайте откуда, да вам и не к чему. Но я не могу уйти без исповеди, и с каждым днем желание выплеснуть в мир свою историю, становится все сильнее».

Нашел бы священника, шел в церковь.

«Вероятно, вы сейчас подумали, что я обратился не по адресу, что мне приличнее было бы пойти в храм. Но это, увы, для меня невозможно. Долгие месяцы я стоял на паперти. Мне ведь поначалу очень везло, среди нищих это одно из самых популярных мест. Да, да, в среде бездомных тоже свои карьерные ступени. Так вот, повторяюсь, мне повезло. Старший смотрящий этого храма в тот день сильно напился, и повредил единственную здоровую ногу. Так я стал его помощником. Выдержал несколько месяцев, потом просто ушёл. Именно тогда я стал Веригиным.

Вернусь к тому, почему выбрал именно вас. Вы весьма популярный автор, вашу страницу каждый день посещает огромное количество людей, а исповедь обязательно должна быть публичной. Конечно, виртуальная форма – некий суррогат, согласен. Сколько бы ни прочло, я все равно, остаюсь в тени, но иной формы мне не придумать. Я не могу выйти, к примеру, на площадь большого города и начать говорить. Моего ораторского таланта не хватит, чтобы удержать внимание проходящих мимо людей. Мимо. Мы всё время идем мимо. И если заметим что-то выбивающееся из нашего представления о норме, ускоряем шаг.

Очень прошу, если сочтете возможным, опубликуйте мою исповедь на своей странице. Это единственный способ для меня быть услышанным, и не просто услышанным – прощённым. Если бы знали, как тяжело, уходить без прощения. Если бы знали!»

Наблюдая за пеной, поднимающейся из джезвы, Антон поймал себя на желании проснуться, забыть злосчастное письмо, которое неожиданно стало раздражать. Поджимали сроки написания статьи, странно, что редактор еще не отзвонился.

Отхлебывая горячий кофе, журналист набирал текст о схемах увода бюджетных денег. Этой темой в редакции занимался исключительно он, шеф ценил способность Говоркова балансировать на самом крае дозволенного. Антон прекрасно понимал степень ответственности – один неловкий шаг и ты можешь слететь в такую бездну, что мир бомжа покажется раем. Опять этот бомж, как заноза, как августовская жалящая муха, невесть как пробравшаяся сквозь москитную сетку. Час ничего не решает.

«Если вы продолжаете меня читать, то, пожалуй, пора перейти к главному».

Антон даже поёжился от ощущения незримого присутствия собеседника.

«Пять лет назад я работал в одной из торговых компаний города N, торгующей, а впрочем, так ли важно чем в стране, превратившейся в один большой рынок? Женатый, здоровый мужик, сорока лет отроду, проживавший в хрущёвке, доставшейся от рано умерших родителей. Моего дохода хватало на подержанную иномарку, воскресные шопинги супруги и летний отдых в Турции. Всё как у всех. Целыми днями я просиживал у монитора за разработыванием схем психологического воздействия на потенциальных клиентов. Начальство ценило, мероприятия приносили существенную прибыль компании. Я ведь ни на секунду не задумывался, насколько далеки от морали мои методы. Мораль в нашей среде, как сейчас говорят, не в тренде. Марки машин, вечные ремонты, отдых за границей – вот цели, достойные человека нашего круга. Оглушенное время. Только сейчас я понимаю, насколько вымороченным, иллюзорным оно было. Метаморфоза ценностей привела к метаморфозе чувств. Любовь? Это когда много качественного секса? Когда утренняя растерянность от незнакомой особи в кровати притупляется

и становится нормой? На одной из приятельских вечеринок я встретил будущую жену. Тихий голос, румянец от созерцания, СОЗЕРЦАНИЯ, а не участия в стриптизе! Мои домогательства разбивались о неуступчивость, разжигая вождение до предела. Ослеплённый, я не замечал скрытого напускной скромностью соблазнения. О, как поздно я понял, что передо мной вовсе не ангел, чудом залетевший в наше пристанище разврата. Томимый желанием, я послушно пошёл в ЗАГС, послушно поставил свою подпись под пошлую музыку Мендельсона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.